

Научная статья

УДК 811.161.1: 81.36 (510)

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-3/77-103>

Сопоставительный анализ категории обращения в русском и японском языках (новая редакция)

Александр Сергеевич Дыбовский

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

Кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения,

почётный профессор Осацкого университета,

dybovskii.as@dvfu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты сопоставительного анализа категории обращения в русском и японском языках. Материалом для исследования послужили наблюдения над процессами естественной коммуникации на русском и японском языках, анализ произведений русской и японской художественной литературы, в том числе литературные переводы, лингвистические и социолингвистические работы, а также результаты анкетирования, проводившегося в Осаке осенью 1993 года. Работа может быть полезна для сравнительного изучения языков, теории языковых универсалий, общего языкознания, социолингвистики, прагматики речевой деятельности, теории коммуникации. Впервые опубликована в 1994 году под названием «Опыт сопоставления обращений русского и японского языков» в научном журнале Осацкого университета.

Поскольку обращение представляет собой языковую универсалию, в речевом функционировании вокативов русского и японского языков обнаружилось много общего. Сходства были выявлены в фонетическом, морфологическом и семантическом развитии языковых единиц, для которых характерно использование в вокативной позиции. Были обнаружены и некоторые существенные различия, например, обращения японского языка в большей степени, чем русского, связаны с выражением отношений социальной иерархии и ритуальностью речевой коммуникации. Поэтому японцы избегают использования обращений по отношению к незнакомым людям (их социальный статус неизвестен). В русском языке в качестве обращений в обилии используются различные образные и метонимические средства, и их список принципиально не ограничен; существуют даже специальные грамматические конструкции, характерные для вокативной позиции. Свойственная русскому языку свобода в использовании вокативных средств наблюдается только в поэтическом стиле японского языка.

Ключевые слова: категория обращения, вокативы в русском и японском языках, сопоставительный анализ, сходства и различия в использовании обращений, особенности обозначения лиц в обращениях

Для цитирования: Дыбовский А.С. Сопоставительный анализ категории обращения в русском и японском языках (новая редакция) // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 3. С. 77–103.

Original article

Comparative analysis of vocative forms in the Russian and Japanese languages (a new edition)

Alexander S. Dybovsky

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Japanese Studies Department,

Professor Emeritus of Osaka University,

dybovskii.as@dvfu.ru

Abstract. This article undertakes a comparative analysis of address forms in the Russian and Japanese languages. As address constitutes a linguistic universality, numerous commonalities in speech functioning, syntactic peculiarities, as well as phonetic, morphological, and semantic developments of linguistic units used in vocative positions were discovered in Russian and Japanese. However, some significant differences were identified. For instance, address forms in Japanese, to a greater extent than in Russian, are associated with expressing social hierarchy relations.

Consequently, Japanese speakers tend to avoid using address forms when communicating with unfamiliar people (whose social status is unclear). In familial interactions, juniors are addressed by their names, while elders are referred to using kinship terms. In business sphere, superiors are addressed by their titles, while inferiors are addressed by their surnames with added necessary politeness suffixes. In the Russian language, a wide range of figurative and metonymic means are employed as address forms, and their list is not limited. There even exist specific grammatical constructions characteristic of the vocative position. In the Japanese language, the freedom in employing vocative means, akin to Russian, is only present in poetic style. In colloquial Japanese, the utilization of figurative and metonymic means is restricted.

Key words: category of vocative forms, vocative forms in the Russian and Japanese languages, comparative analysis of vocative forms, similarities and differences in the use of vocative forms, features of denoting individuals in vocatives

For citation: Dybovsky A.S. Comparative analysis of vocative forms in the Russian and Japanese languages (a new edition). *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 3, pp. 77–103. (In Russ.).

Введение

В статье предпринята попытка сопоставительного анализа категории обращения в русском и японском языках. Выяснение общих свойств и особенностей этой категории в каждом из двух указанных языков может быть практически использовано для того, чтобы более успешно предотвращать и исправлять ошибки, возникающие под влиянием интерференции родного языка при изучении русского или японского в качестве иностранного языка. Мы не будем углубляться в историю вопроса изучения категории обращения, отметим только, что в литературе по русскому языку «обращение» – традиционный раздел синтаксиса, и, за исключением нескольких неоднозначных случаев [12], состав обращений (вокативов)

определяется однозначно¹. В работах по синтаксису японского языка обращения можно встретить под названием ЁБИКАКЭГО (обращение) в разделе ДОКУРИЦУГО (независимое), но, как правило, они не получают подробного описания [23, 25, 28]. Различные аспекты обозначения участников речевой ситуации детально изучены в работах, исследующих проблемы «языкового существования» (ГЭНГО СЭЙКАЦУ), категории вежливости (КЭЙГО) [21, 33, 34, 36]. Особое место в изучении особенностей обозначения лиц в современном японском языке занимают социолингвистические работы Судзуки Такао (鈴木孝夫), уделявшего большое внимание особенностям обозначения отправителя и получателя речи в японском и английском языках [26, 27]. В последние годы по рассматриваемой нами теме было опубликовано немало новых работ, две из которых [3, 32] мы не можем не упомянуть в этой публикации.

В книге В.Е. Гольдина [3] обращение определяется как «одно из главных средств <...> организации направленности речи», а также «социальной регуляции общения», которое следует рассматривать в рамках функционально-семантической категории «речевого контакта» [3, с. 4]. По В.Е. Гольдину, «категория речевого контакта организована по принципу поля», в центре которого находится обращение, а на периферии – «другие средства речевого контакта» [3, с. 5] или «адресации» (вводные слова, типа *знаете ли*, глагольные сказуемые в форме второго лица, местоимения второго лица, интонация повелительных и вопросительных предложений, некоторые иные способы обозначения лиц) [3]. Кроме того, «любой тип обращения не только участвует в организации направленности речи, но и выполняет этикетную функцию» [3, с. 64]. В концепции В.Е. Гольдина обращения подразделяются на *адресующие обращения* и *обращения-регулятивы*. Именно последние, по мнению В.Е. Гольдина, имеются во всех языках и составляют основное ядро категории обращения; они (обращения-регулятивы / регулятивы), «обозначают (в широком смысле), но не называют адресатов речи и выражают социально типизированные отношения между адресантом и адресатом» [3, с. 115]. При этом регулятивы обладают «особым типом лексического значения», которое «в отличие от номинативного (идентифицирующего), дейктического и характеризующего» В.Е. Гольдин называет регулятивным [3, с. 115]. Семантическая опустошенность специализированных обращений (регулятивов) типа *браток, голубчик, товарищи* приводит В.Е. Гольдина к выводу о том, что «называние адресата не относится к числу существенных свойств обращения» [3, с. 98–99].

В докторской диссертации «Прагматические функции японских обращений и теория вежливости: сквозь призму контрастивного исследования обращений японского и русского языков» [32] Хигасидэ Томо, основываясь на идеях А.А. Акишиной, В.Е. Гольдина, Н.И. Формановской, Т.В. Лариной, Л.В. Рыжовой, П. Браун и С. Левинсона², а также япон-

¹ В русском языке нередко трудно отличить вокативы отрицательной оценки от бранных слов в односоставных восклицательных предложениях, способных интонационно интегрироваться с предложениями других типов. Примеры бранных слов, обращениями не являющихся: "Ну, еще разговаривает, *образина!* – говорил Тарантьев и поднял ногу, чтобы сзади ударить проходившего мимо Захара" (И.А. Гон-чаров); "*Мокрохвостье! Сатаны в юбках!* До морды тянетесь, а того не понимаете, что это не простая лягушка, а вустрица!" (М. Шолохов). Примеры обращений отрицательной оценки: "Никуда я тебя, *сучонок*, пока не пушу" (А. Бородыня); "Антракт, *негодяи!*" (М. Булгаков). Ср. также «именительный падеж представления» у А.М. Пешковского [12].

² Это, конечно же, Brown, P. & S. C. Levinson (1987) *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press [19], хотя в списке литературы диссертации данная работа отсутствует.

ских исследователей, касавшихся темы обращений, проанализировал особенности обращений разговорного японского языка, провел сопоставительный анализ обращений японского и русского языков, описал основные трудности и актуальные задачи презентации категории обращения в учебной литературе и преподавании японского и русского языков как иностранных. Отмечая достоинства работы Т. Хигасидэ, необходимо выделить следующее:

1. В диссертации дается подробный обзор литературы, посвященной категории обращения на материале японского, русского и других европейских языков.

2. Доказывается, что обращение кроме основной функции (идентификация получателя речи) может выполнять другие функции, а именно: 1) коммуникативно-регулятивные (привлечение внимания, присвоение или подтверждение права коммуникатора, передача права коммуникатора); 2) межличностных отношений (выражение эмоций, соблюдение этикета, использование стратегий вежливости, социально-регулятивная); 3) прагматические (осуществление разных видов речевых актов – осуждение, критика, похвала, приветствие, мольба и т. д.) [32].

3. В работе детально анализируются случаи соположения обращений с личными местоимениями второго лица типа ОТО:САН, АНТА... «Папа, ты...», в которых личное местоимение (АНТА «ты»), будучи дейктически связанным с обращением (ОТО:САН «папа»), входит в состав следующей за обращением синтаксической конструкции [32]. Подобное использование обращений получило распространение в последние десятилетия, вероятно, не без влияния переводной европейской и американской литературы в ходе вестернизации речевой культуры японцев.

4. Автор работы проанализировал и учащающиеся в последние десятилетия в японском языке случаи соположения обращений в примерах типа お父さんあんた, ゴミ出してきてよ «Папа, послушай! Мусор не вынесешь?» букв. «Папа, ты! Мусор вынеси!» [32]. Показал различие в степени «обращенности» (指向性 *сико:сэй*) к адресату речи разных форм вокатива, наиболее сильным случаем которой (по его мнению) является соположение двух местоименных вокативов (АНТА, АНТА букв. «Ты, ты!»), а наиболее слабым – использование обращений в качестве эмоционально-модальных частиц в примерах типа 今日のフレンチ, 美味しかったわね, あなた «Сегодняшняя французская (кухня) ведь вкусная была, верно?» букв. «Сегодняшняя французская (кухня) ведь вкусная была, ты!» (выделено нами) [32, с. 103].

5. Проводя сопоставительный анализ обращений русского и японского языков в рамках теории вежливости П. Браун и С. Левинсона (1987 г.) [19], Т. Хигасидэ воспользовался понятиями "discernment" («понимание, различение»; в контексте диссертации – использование языка в соответствии с общепринятыми социальными нормами) и "volition" («воля, желание»; в контексте диссертации – волюнтаривность в использовании языка) и обнаружил большую степень проявления волюнтаривности в функционировании обращений русского языка по сравнению с японским [32].

В грамматической литературе по русскому языку под обращением обычно понимается «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» [13, с. 170]. В классических работах по японской грамматике даются сходные определения, причем подчеркивается, что в японском языке в вокативной позиции

(КО:КАКУ) могут употребляться исключительно субстантивы (ТАЙГЭН) [22, 35]. В более новых работах категория ЁБИКАКЭГО (обращение) понимается более широко: кроме субстантивных вокативных единиц в ее состав включаются и апеллятивные междометия [24]. Такой позиции придерживается и известный японский языковед Нитта Ёсио (仁田義雄), который рассматривает обращения (ЁБИКАКЭ) как разновидность нечленимых предложений (МИТЭНКАЙ БУН), призванных обеспечивать условия осуществления речевого акта (ГЭН-ГО КО:И) указанием на отправителя и получателя речи. В качестве видов обращения Ё. Нитта выделяет апеллятивные междометия (ЁБИКАКЭСИ) и другие средства обозначения адресата речи – имена и местоимения второго лица (ТАЙСЁ:СИ) [30, с. 281].

Мы будем исходить из того, что в обращении обычно сочетаются два базовых признака: 1) апеллятивное значение, объективирующее направленность речи; 2) обозначение лица или предмета, к которому обращена речь, в соответствии с правилами социального взаимодействия отправителя и получателя речи в той или иной культуре. В выборе отправителем речи конкретного вокативного (шире – контактоустанавливающего) средства и проявляется социально-регулятивная прагматика адресации речи, о которой пишет В.Е. Гольдин [3, с. 9]. Говорящий выбирает средства «адресации» в соответствии с имеющимися в его сознании образами себя и адресата речи [3]. В официально-бытовом и деловом общении, например, с продавцом, клерком или администратором в учреждении, врачом, прохожим, пассажиром и т. д. выбор обращения осуществляется по социально-ролевым и визуальным признакам. Если же адресат знаком и его статус понятен, то выбор обращения производится из большого набора вокативных средств, соответствующих отношениям участвующих в коммуникации людей. В любом случае обращение объективирует представление коммуникатора о надлежащей в данной коммуникативной ситуации форме социального взаимодействия отправителя и получателя речи. Как пишет Н.И. Формановская, «говорящий проявляет себя тем, что совершает <...> выбор называния, соответствующего статусу и роли партнера по общению, официальности / неофициальности обстановки, тональности, ты- / Вы-отношениям и т. д.» [18, с. 72]. Воспринимая заложенную в обращении социальную информацию о характере речевого взаимодействия, адресат либо принимает позицию коммуникатора, либо пытается внести свои коррективы в реализуемую модель речевого взаимодействия людей (Ср.: *Я вам не «товарищ»! Какая я вам «девушка»? По-моему, на «ты» мы еще не перешли!*).

Сравнительный анализ естественных языков возможен и продуктивен потому, что все они являются вариациями языка человеческого общения в рамках глобальной цивилизации вида *Homo sapiens*. Каждый естественный язык создает свой особый мир, в котором могут возникать уникальные концепты и грамматические категории, лежащие в основе «ментального пространства» того или иного народа, но в то же время существуют языковые единицы и категории, во всех языках проявляющие универсальные свойства. К таким категориям относится обращение. Универсальные свойства обращений (категории вокатива) в разных языках основываются на необходимости обозначения лиц и координации действий между адресантом и адресатом в процессе речевой коммуникации во всех языковых коллективах. Далее мы рассмотрим функциональные, лексические и стилистические аспекты проблемы, связанные с категорией обращения в русском и японском языках.

1. Функциональные аспекты проблемы

Функционирование обращений как универсальной языковой категории в первую очередь обуславливается такими параметрами речевой ситуации, как статусно-ролевые отношения коммуникантов, особенности их личных взаимоотношений, а также их эмоционально-психическое состояние [17, с. 75]. С точки зрения прагматики речи обращения полифункциональны, они могут использоваться для привлечения внимания, установления и поддержания речевого контакта, выражения эмоционально-волевых импульсов субъекта речи, а также его отношения к собеседнику или проявления намерения обратиться к адресату речи с просьбой, извинением, вопросом и т. д. (Ср. [17, с. 74]).

И в русском, и в японском языках обращения функционируют либо в виде отдельных аппеллятивных высказываний, либо интегрируясь с другими синтаксическими единицами в более сложные синтаксические образования и располагаясь в них пре-, интер- и постпозиционно¹. В русском языке в интер- и постпозиции обращения встречаются чаще, чем в японском, в связи с наличием большого количества оценочно-характеризующих обращений (см. ниже), которым свойственны интер- и постпозиция в составе высказывания. Кроме того, для японских обращений в интер- и постпозиции не характерна этикетная функция, обычная для вокативов русского языка – *Здравствуйте, Виктор Васильевич! Извините, Анна Сергеевна! Простите, голубчик, что заставил вас ждать! Да, дорогой!* Всем этим фразам нет прямых соответствий в японском языке. Буквальный перевод таких выражений на японский язык вызывает у носителей японского языка дискомфорт [32]. Этикетную функцию таких обращений русского языка невозможно передать формами японского вокатива². Это не соответствует узусу современной японской разговорной речи.

Несколько обращений могут объединяться единой фразовой интонацией в своеобразные вокативные конгломераты, например: 1) «А вот, кажется, сама Наталья Петровна сюда идет. *Батюшка отец, благодетель!* Похлопочите!» (И.С. Тургенев); 2) «Нет, *душенька, голубчик, милая, персик*, я не отстану, я знаю, что вы знаете» (Л.Н. Толстой).

В русском языке такое явление встречается чаще, чем в японском, так как в японском языке использование обращений в большей степени ритуализовано [8], и применение разных наименований для одного и того же адресата в вокативном конгломерате свойственно преимущественно поэтическому стилю, например:

時のフィルムの遠くに残る	<i>Запечатлённые в глубине плёнки времени</i>
昔の恋人よ	<i>Прежние возлюбленные</i>
遠い女達よ	<i>Далёкие женщины</i>
世界のはてしに	В конце света
君等に残る	Вы останетесь
心ばかりが心に逝く	Только сердце в сердце уйдёт (堀口大学).

¹ Речевое функционирование обращений сходно с функционированием междометий, ср.: [9, с. 41–43].

² С другой стороны, не переводятся на русский язык естественными формами вокатива обращения японского языка с распространенным определительным придаточным предложением, приводимые Т. Хигасидэ, например: *酢の種類と飲み方について実践して効果が出ていると思っていられる方, 教えてください* «Люди, расскажите, пожалуйста, о различных видах уксуса и о том, как их потреблять, если вы считаете, что они эффективны на практике! (Букв. «Те, кто разбирается в видах уксуса и считает, что от его потребления есть (положительный) эффект, подскажите, пожалуйста!») [32, с. 49].

Как отмечалось выше, обращение изначально (по определению) обладает двумя функциями – апеллятивной функцией (установление и поддержание контакта с адресатом высказывания, экспликация направленности речи) и функцией обозначения адресата речи (номинативной, дейктической, метки), связанной с социально-регулятивной прагматикой вокативов. Выбор той или иной формы вокатива объективирует представление отправителя речи о сложившейся коммуникативной ситуации и его отношение к получателю речи, а также имплицитно соответствует стилистический регистр развертывания коммуникативного взаимодействия адресанта и адресата речи. На вышеописанные базовые функции вокатива в процессе коммуникации могут накладываться дополнительные функции, приобретаемые обращением в составе высказывания или в общем контексте речевой коммуникации. И в русском, и в японском языках обращение может также выявлять эмоциональные реакции отправителя речи, выражать его чувства, волевые импульсы по отношению к адресату или объекту речи, содержать характеристики последнего. По наличию/отсутствию дополнительных речевых функций обращения можно подразделить на три группы:

- ① обращения, не имеющие дополнительных речевых функций (нейтрально-апеллятивные, то есть рутинные обращения);
- ② обращения, выражающие эмоции, чувства, волевые импульсы говорящего, его отношение к адресату речи – восхищение, одобрение, упрёк, осуждение, насмешку, сарказм, раздражение, побуждение к действию или отказу от него и т. д. (эмоционально-экспрессивные и волонтактивно-экспрессивные обращения);
- ③ обращения, содержащие оценки и характеристики собеседника (оценочно-характеризующие обращения)¹.

Рутинные обращения обычны, например, в административно-деловом стиле. В официально-публичном и обиходно-разговорном стилях они обычно употребляются при нейтральных эмоциях. В рутинных обращениях доминирующей является апеллятивная функция; средство обозначения адресата выбирается как бы автоматически в соответствии с существующим стереотипом, фиксирующим представление коммуникатора о речевой ситуации и надлежащем стилистическом регистре адресации речи, например:

① *Товарищи депутаты!* От имени группы депутатов Московской области... (Съезд народных депутатов Российской Федерации).

② Вы, *доктор*, можете отправляться домой (М. Булгаков).

Ср. в японском языке:

③ *ねえ、八重子さん、お客って女の人?* «Послушайте, Яэко-сан, а тот посетитель, это (была) женщина? (赤川次郎).

④ (運転手さん) *お客さん、東京からかい* (Водитель такси) «Г-н пассажир, а вы из Токио?» [29].

¹ Кроме вышеописанных свойств обращения русского и японского языков могут выполнять и вспомогательные грамматические функции, например, когда, интонационно примыкая к какому-либо из компонентов предложения, они подобно эмоционально-модальным частицам используются для ритмико-грамматической организации текста: "Мама, это я, Володечка. В общем, ее похоронили, **мама**, а я его убил... Не спрашивай, **мама**, кого... прощай, **мама**... (А. Бородыня). В японском языке такое употребление обращений часто встречается после союзов, например: *しかしお前、冗談にしてもそう軽率にものを云ってはいかんよ* «Послушай, **ты!** Даже если это шутка, нельзя выражаться так легкомысленно» (別役実).

Если в рутинных обращениях используются имена нарицательные, то они также содержат характеристики получателя речи, но эти характеристики тривиальны, как, например, собственные имена, исконную семантику которых мы склонны не замечать. Второстепенность номинативного значения лексем, используемых в рутинных апелляциях, проявляется и в том, что их значение в ходе частого использования в вокативной функции выхолащивается и как бы поглощается этой функцией, ср. русские обращения «товарищ», «дружище», «голубчик» или японские ОКЯКУСАН «господин покупатель», «гость», СЭНСЭЙ «уважаемый господин», «учитель». Прагматика таких обращений состоит во взаимодействии адресанта с адресатом (адресатами) относительно развертывания речевого акта.

В обращениях второй группы на первый план выходит экспрессивная функция. Подобно междометиям, такие обращения используются для выражения эмоций, чувств, волевых импульсов субъекта речи, его отношения к адресату речи (одобрение, возмущение, упрёк, осуждение, насмешка, сарказм, раздражение, побуждение к чему-либо, сдерживание от каких-то действий или поползновений и т. д.). Например:

1) Тут явился Вениамин.

О, Полинка! Ты уже не ребёнок, ты тёлка!

Венька! Заткнись!

– Разозлилась я. А Полина – наоборот – обрадовалась такому комплименту (Екатерина Вильмонт).

2) Гаев (*негромко, как бы декламируя*). О природа, дивная, ты блещешь вечным сиянием, прекрасная и равнодушная, ты, которую мы называем матерью, сочетаешь в себе бытие и смерть, ты живишь и разрушаешь...

Варя (*умоляюще*). **Дядечка!**

Аня. **Дядя**, ты опять!

Трофимов. Вы лучше желтого в середину дуплетом.

Гаев. Я молчу, молчу (А.П. Чехов).

Ср. в японском языке:

3) 私が父親じゃ、いやかね?」 «Я твой отец! Что противно тебе?»

片桐の問いに、玲香はすぐには答えなかった。«Рэйка не сразу ответила на вопрос Катагири».

しばらくじっと目を伏せていたが、やがて顔を上げ、«Некоторое время она стояла, опустив глаза, затем взглянула на него (букв. «подняла голову»).

「いいえ」と、首を振った。「とてもうれしいです」 «Да нет, – сказала она, покачивая головой. – Я очень рада!»

片桐が、ホッとしたように、笑顔になった。«Катагири облегчённо заулыбался»

「良かった!」 «Хорошо!»

「お父さん!」 «**Папа!**»

玲香が駆け寄って、片桐に抱きつく。«Рэйка подбежала и обняла Катагири». (赤川次郎).

4) **お母さん!** ノックしてから入って、って言ってるでしょ、いつも «**Ну, мама!** Сначала постучись, потом заходи! Сколько раз тебе говорить!» (赤川次郎).

В первом восклицании примера (1) обнаружилось восхищение Вениамина относительно быстрого физического развития девочки, а в вербальной реакции его собеседницы

проявилось возмущение мамы девочки по поводу легкомысленного использования Вениамином неподобающего жаргонизма *тёлка*. Это возмущение было объективировано в последовавшем императивном восклицании *Заткнись*. Во втором примере обращения «дядечка», «дядя» выражают негативные эмоционально-волевые реакции героинь чеховской пьесы на досужие рассуждения Гаева, побуждающие последнего прекратить своё неуместное философствование.

В третьем примере в обращении проявляется радость героини по случаю неожиданного обретения родителя; в четвертом выражается раздражение отправителя речи и его стремление положить конец нежелательным действиям матери.

В обращениях третьего типа – выше мы назвали их оценочно-характеризующими – часто используются не общепринятые вокативные средства, а разнообразные метафорические и метонимические обозначения получателя речи, которые к тому же могут снабжаться различными определениями, которые в русском языке способными субстантивироваться и становиться самостоятельными обращениями, например:

- ① – И где же сенегальцев роты? Отвечай, *штабной*, отвечай. Леночка, пей вино, *золотая*, пей (М. Булгаков);
- ② Заткнитесь, *бабы!* Уши вянут! (Екатерина Вильмонт);
- ③ Повторяю тебе в последний раз: перестань притворяться сумасшедшим, *разбойник*, произнес Пилат мягко и монотонно (М. Булгаков);
- ④ *Здорово, вредитель!* – злобно и громко ответил Иван (М. Булгаков);
- ⑤ А ты чего, *женский пол*, опоздала? Спросил грозно Красоткин (Ф. Достоевский);
- ⑥ Мальчишескую боль насвистывай

И сердце зажимай в горсти ...

– *Мой хладнокровный, мой неистовый*

Вольноотпущенник – прости! (М. Цветаева).

Обилие в русском языке оценочно-характеризующих обращений создает широкие возможности для языкового творчества, для использования в обращениях большого количества разнообразных лексических единиц. Некоторая же часть оценочно-характеризующих обращений, часто повторяясь, утрачивает свою новизну и свежесть, сближается с рутинными обращениями.

В силу большей ритуальности японской речевой коммуникации по сравнению с русской [8] оценочно-характеризующие обращения редки во всех стилях японского языка, кроме поэтического. Нам встретилось всего несколько примеров¹:

- ① あ!元氣かい、おチビさん «О, как дела, *мальшика?*» (赤川次郎)²;
- ② 青年よ、大いに悩め «*Молодой человек!* Пострадайте хорошенько» [29].

Реже, чем в русском языке, в качестве обращений используются ругательства, например:

¹ Т. Хигасидэ приводит примеры описательно-характеризующих обращений: 「パソコンに詳しい人」 «Кто-нибудь, разбирающийся в компьютерах!»; 「そちらのピンクのスカートのお客様」 «Эй, девушка в розовой юбке!» [32, с. 25].

² Оценочно-характеризующее обращение встретилось в названии одного из романов Д. Акагава: 「殺人よ、こんにちは」 «Здравствуй, убивец!». Здесь можно заметить подражание французской писательнице Франсуазе Саган (F. Sagan) "Bonjour tristesse" – 「悲しみよ、こんにちは」 "Здравствуй, грусть" (в японском переводе).

③ 馬鹿、俺はそういう意味で言ったんじゃないよ «Идиот! Я совсем не это имел в виду!» [29];

④ アホ、何いうてんの «Дурачок! Что ты такое говоришь?» [29].

Однако по богатству, разнообразию и сложности оценочно-характеризующих обращений в поэтической речи японский язык никак не уступает русскому, например:

仲間っぱずれの少年よ	О, мальчик, оставшийся в стороне
のどのふっくら盛り上がった百合	С лилиями, разбухшими в горле!
挽きたての櫓の木屑の匂いよ	О, этот запах свежих щепок дуба!
かもしかの目よ	О, эти глаза серны!
すでに心は五大陸をさまよいつくした	С сердцем, уже преодолевшим пять

континентов,

いとしい放浪者よ	Мой милый странник!
きみと二人して	С тобой вдвоём
夜明けの荒い空気に酔い	Опьянённые резким предрассветным воздухом,
露とぞす街をあとに	Оставив покрытые росами кварталы,
光と石と魚の住む隣町へ	Уйдём в соседний город, где живут свет, камень и рыбы

(大岡 信).

Итак, оценочно-характеризующие обращения, широко распространенные в русском языке и в японской поэтической речи, не так часто встречаются в разговорном японском. Чтобы лучше понять описанное различие между русским и японским языками, посмотрим, что происходит с такими обращениями при переводе с русского языка на японский на примере пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» (японский перевод Ю. Мацусита). В тексте пьесы можно обнаружить около 20 оценочно-характеризующих обращений (вокативных конгломератов), причем только одно из них нашло почти эквивалентный перевод в японском языке:

«Гаев. Крошка моя. (Целует Ане лицо и руки.) Дитя моё!»

ガーエフ ちび助や(アーニャの顔や手に口づけする) 私の子や

Притяжательные местоимения *моя*, *моё*, характерные для этого типа обращений в русском языке, опущены, но слова ТИБИСУКЭ «крошка», «малышка» и КО «ребёнок» достаточно точно передают уменьшительно-ласкательное содержание русских обращений.

Большая часть проанализированных примеров (более 10) переведена по принципу генерализации: обращение в японском тексте сохранено, но автор отказывается от уникальности обращения оригинала и подводит его под японский стандарт, следуя нормам японского языка. В переводе применяются личные местоимения, имена героев, другие рутинные обращения японского языка, даже невокативные средства, что ведет к некоторым семантическим потерям, но позволяет автору перевода соблюсти нормы японской стилистики. Рассмотрим несколько примеров.

1) «Дуняша. Вы уехали в Великом посту, тогда был снег, был мороз, а теперь? *Милая моя!* (Смеется, целует ее) Заждалась я вас, *радость моя, светик...*»

ドウニャーシャお立ちになったのは復活祭のまえで、雪が降ってて、ひどい凍てでしたのに、いまはまあどうでしょう。ああおじょうさま! (笑ってくちづけする) 「わたし首を長くしてお待ちしてましたわ、ああ、おじょうさま... (На месте тёплых, ласковых

оценочно-характеризующих обращений русского языка дважды повторяется более стандартное ритуальное выражение «Ах, барышня!»);

2) «Пищик. Не надо принимать медикаменты, *милейшая*... от них ни вреда, ни пользы... Дайте-ка сюда... *Многоуважаемая*».

薬物なんぞお飲みになることはありませんよ、毒にも薬にもなりやしません…こっちへおよこしんっさい…*あなた* (Вместо двух оценочно-характеризующих обращений русского языка, содержащих имена прилагательные, в конце фразы используется одно только местоимение АНАТА «вы»);

3) «Любовь Андреевна. Вырубить? *Милый мой*, простите, вы ничего не понимаете».

リュボーフィ・アンドレーエヴナ あなたの話、さっぱりわからないわ、*エルモラーアレクセイイチ* (Оценочно-характеризующее *милый мой* трансформируется в рутинное обращение «Ермолай Алексеевич», которое к тому же не соответствует узусу японской речи)¹;

4) «Любовь Андреевна. ... Ведь мой сын утонул здесь... (Плачет) Пожалейте меня, *хороший, добрый человек*».

リュボーフィ・アンドレーエヴナ だって坊やもここで溺れ死んだのよ…(泣く) あたしを哀れに思ってちょうだい、*ねえ、あなた* (И опять оценочно-характеризующее «хороший добрый человек» заменяется рутинным местоименным обращением с апеллятивным междометием – НЭ: АНАТА «Послушайте, вы!»);

5) «Любовь Андреевна. ... Не хочешь не выходи; тебя, *дуся*, никто не неволит...»

リュボーフィ・アンドレーエヴナ ...いやならおやめ。だれも、*ねえおまえ*、無理にとは言いませんよ… (Тёплое ласкательное интимно-фамильярное *дуся* ← *душа моя* трансформировалось в вульгарное и даже грубое НЭ: ОМАЭ «Послушай, ты»).

6) «Гаев. (Яше) Отойди, *любезный*, от тебя курицей пахнет».

ガーエフ (ヤーシャに) ちょっと離れてくれんか、*いい子だから*。*鶏臭くてかなわん* (Холодно-высокомерное «любезный» трансформируется в ИЙ КО ДА КАРА «Поскольку ты хороший мальчик»);

7) «Лопухин. Отчего же вы меня тогда не послушали? *Бедная моя, хорошая*, не вернешь теперь».

ロパーヒン いったいどうして、どうしてあなたは、わたしの言うことに耳を貸そうとなさらなかったんです。*お気の毒に、いいかたなのに*、もう取りかえしはつきませんよ (На месте оценочно-характеризующего обращения русского языка «Бедная моя, хорошая» появилась бесцветная фраза О-КИ-НО ДОКУ-НИ, ИЙ КАТА НА-НОНИ «Как жаль-то, хотя (вы) и хороший человек...»).

Сопоставление оригинального и переводного текстов показывает, что для значительной части обращений русского языка в японском не нашлось эквивалентов, и переводчику пришлось преодолевать серьезные трудности в поиске компромисса между стремлением передать дух и букву оригинала и ограничениями на употребление обращений в

¹ Заметим попутно, что переводчик, вероятно, сознательно, отклонился от текста чеховской пьесы и изменил сам пафос реплики Любви Андреевны. В соответствии с японской максимой социальной гармонии, героиня избегает обвинения собеседника в некомпетентности. Вместо по-барски высокомерного «...вы ничего не понимаете!», смягченного ласково-интимным обращением *милый мой* и извинением, в переводе она сообщает собеседнику: «Я совершенно не понимаю, что вы говорите!» (*あなたの話、さっぱりわからないわ*).

японском языке. В общем можно сказать, что русский разговорный язык обладает большей свободой в создании обращений к лицам за счет широкого использования оценочно-характеризующих обращений, а японский разговорный язык использует более ограниченный набор единиц, поскольку обозначение лиц в вокативах в большей степени стандартизировано, и соответствующие вокативные средства функционируют в строгих рамках японского речевого ритуала¹. Оценочно-характеризующие обращения в японском языке широко представлены только в поэтическом стиле (подробнее – ниже).

В структурном отношении и японские, и русские обращения подразделяются на простые и сложные. Простые содержат только одно знаменательное слово, сложные более, чем одно. В русском языке простые обращения обычно представлены существительными и субстантивными местоимениями в именительном падеже, субстантивированными прилагательными и причастиями, окказионально числительными, существительными не в именительном падеже [13, с. 170], и даже наречиями (ср. «Эй, наверху!»). В японском языке функцию обращений могут выполнять существительные и личные местоимения.

И в русском, и в японском языках обращения часто сопровождаются междометиями и восклицательными частицами, например:

- ① *Эх, братцы*, нехорошо у нас (М. Горький);
- ② *О Волга*, колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я... (Н. Некрасов);
- ③ *Эй вы*, кончайте скорее! Домой! (Ф. Достоевский);
- ④ *あら、沢井さん*。何か? «О, Саваи-сан! У вас что-то...» (赤川次郎);
- ⑤ *ねえ、塚川* (前同) «Послушайте, Тоцукава!»;
- ⑥ *さあ、ケンや*、お父さんがああおっしやるんだから «Ну, Кэн! Раз уж отец

так говорит...» (長沼直江).

Сложные обращения создаются либо путем соположения вокативных единиц в вокативных конгломератах (о которых говорилось выше), либо по атрибутивным грамматическим моделям. В японском языке опорному слову вокатива могут подчиняться именное, глагольное или адъективное определения [6, с. 71], в русском языке чаще всего – притяжательное местоимение, прилагательное, причастие, причастный оборот и имя существительное. И в русском, и в японском языках определительные обороты и определительные придаточные предложения могут достигать большой сложности в поэтической речи. В разговорно-обиходном стиле японского языка сложные обращения встречаются нечасто. Особенностью русского языка является также использование в обращениях специальных грамматических конструкций, например: 1) Ниловна ощущала желание сказать ей: «*Милая ты моя*, ведь я знаю, что любишь ты его» (М. Горький); 2) Поди сюда, идиот! Поди сюда, *голландская ты рожжа!* (Ф. Достоевский); 3) Ну полноте, полноте, балагур, *шутник вы этакий ...* (И.С. Тургенев).

¹Ср. замечание В.М. Алпатово по этому поводу. Речь идёт о переводе на японский язык пьесы М. Горького «Васса Железнова»: «У русского автора Васса называет старшего брата, пьяницу и бездельника, на «ты», а образованного делового управляющего – на «Вы». Японский переводчик вынужден был привести суть статусно-ролевых отношений к правилам японской культуры: брат по старшинству получил уважительные формы, аналогичные русскому «Вы», а управляющий как слуга – неуважительные формы, аналогичные «ты»» [18, с. 240–241].

Эти конструкции обладают высокой частотностью в устной разговорной речи. Они дают возможность употреблять в качестве обращений практически любое слово, способное содержать оценку или характеристику собеседника, ср.: *солнышко ты мое, ласточка ты моя, наказание ты мое, беда ты моя, ненаглядная ты моя, бриллиантовая ты моя, заботливая ты моя, бесчувственная ты моя, отчаянная ты моя, шустрая ты моя, глазастая ты моя, языкастая ты моя* и т. д.

Другой грамматической особенностью русского языка является эпизодическое использование старой и «новой» звательных форм существительных, которых нет в японском языке, например: 1) Я с той поры ценю его, мой *друге*, когда у полустанка Поньри, в кольце врагов, на дне окопа в луже размачивал ржаные сухари (Ф. Кузнецов); 2) Ой, *бабусь*, вы о чем? (С. Бабаевский).

При рассмотрении функциональных и структурно-грамматических свойств обращений бросается в глаза большая синтаксическая свобода и изощренность русского языка в создании форм обращений. Японский язык – напротив – характеризуется большей строгостью и упорядоченностью, меньшей структурной, морфологической и формально-грамматической изощренностью создания вокативов в силу большей важности иерархических отношений и большей степени ритуальности общения людей в японском этноязыковом коллективе [8].

2. Лексические аспекты проблемы

Вокатив можно рассматривать как особую синтаксическую позицию, в которую помещаются соответствующие лексические единицы (ср. понятие ИКАКУ «грамматическая позиция» в концепции «патриарха» японской грамматики Ямада Ёсио [35]). Аналогичность условий коммуникации приводит к тому, что в разных языках в вокативной позиции, как правило, употребляются единицы одних и тех же классов, например, термины родства, названия должностей, имена и фамилии, слова, обозначающие некоторые социальные роли, личные местоимения и т. д.

Слова, регулярно используемые в вокативной позиции в разных языках, подвергаются действию сходных фонетических, морфологических, семантических процессов. Некоторые лексемы, часто фигурирующие в вокативах, могут семантически выхолащиваться и блекнуть, существенно менять свое значение. Например, русское слово «товарищ» в советскую эпоху стало бесцветным придатком рутинных вокативов [2]. Под влиянием частого употребления в функции обращения по отношению к продавцам, кассирам, контролерам и другим работникам сферы обслуживания русское обращение «девушка» расширило семантический потенциал соответствующей лексики. Чтобы избежать более грубого обращения «женщина», при помощи слова «девушка» носители русского языка стали обращаться ко всем представительницам сферы обслуживания вплоть до пенсионного возраста. Японское СЭНСЭЙ в вокативах может существенно отклоняться от своего первоначального значения «учитель» и превращаться в средство вежливого обращения к тому, кто добился успехов в интеллектуальной или другой творческой деятельности. Использование японских лексем СЯТЁ: «президент компании» и ТАЙСЁ: «генерал армии», «адмирал» в обращениях для шуточного возвеличивания собеседника напоминает употребление в русском языке таких слов, как «шеф», «начальник», «командир».

Лексемы, употребляемые в вокативах, могут расширять свое значение в случаях переносного употребления. И в русском, и в японском языках наиболее часто в переносном зна-

чении употребляются термины родства. Одни переносные значения этого класса лексем в двух языках симметричны, например, «мамаша» (ОКА:САН) по отношению к незнакомой женщине с ребенком, «дед» (ОДЗИ:САН), «бабуля» (ОБА:САН), «отец» (ОТО:САН) по отношению к чужим старшим, японское АНИКИ и русское «брат» в фамильярном общении с «чужим равным». Другие слова развиваются не симметрично. Японские ОНИ:САН «старший брат», ОНЭ:САН «старшая сестра» употребляются при обращениях к чужим детям, представителям сферы обслуживания, незнакомым старшим, не годящимся в «дяди» и «тёти»; при помощи этих же слов родители обращаются к своим старшим детям и даже к единственному ребенку [31, с. 69]. Русское же обращение «сестра» может употребляться в переносном значении только в медицинской или религиозной сфере. Русское «мать» стало жаргонным обращением молодых женщин и девочек-подростков друг к другу, а японское МАМА (от англ. *maternal*) приобрело значение «хозяйка (бара или ресторана)».

Вокативные единицы в разговорной речи подвержены речевой редукции. В русском языке именно речевая редукция привела к появлению так называемых «новых вокативных форм» типа *Маи! Сереж! Наташ! Мам! Пап! Баб!* и т. д. Такие усеченные формы имен употребляются исключительно в обращениях, что, собственно, и дает основания говорить о новых вокативных формах имен существительных в русском языке. В неофициальном общении в русском языке речевой редукции подвергаются имена и отчества людей, например: *Анна Александровна* → *Ан Сан!*; *Александр Алексеевич* → *Сан Сеич!*; *Сергеевич* → *Сергеич!* → *Сеич!* и т. д. В японских вокативах происходят подобные фонетические процессы и возникают компрессионные (сжатые) варианты имён, фамилий и терминов родства, например: ОТО:САН «отец», «папа» → ОТОТТЯН → ТОТТЯН; ОЯДЗИСАН «отец», «дедушка», «главарь, шеф» → ОЯССАН; ОКА:САН «мать», «мама» → ОККАЯН; ОДЗИТЯН «дядя» → ОТТЯН и т. д. Особенностью японского языка является наличие иероглифических (морфемных) аббревиатур, в которых имя или фамилия сокращается до первого иероглифа, например: ДЗЮНСУКЭ → ДЗЮН; ТАЦУЯ → ТАЦУ; САЯМАСАН → САСАН. Иероглифические аббревиатуры японских фамилий в вокативах по стилистической окраске сопоставимы с обращениями по отчеству в разговорном русском языке [6, с. 74].

Чувства ласки, нежности, дружеского расположения выражаются в русском языке не только интонационно, но и морфологически при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов (ср. близкое значение суффикса -ТЯН в японском языке). При различии оттенков значений сходные морфологические варианты образуются при использовании уменьшительно-ласкательных суффиксов русского языка и японских суффиксов вежливости -ТЯН, -ТЯМА. Ср. русские обращения *папочка, дедуля, сестричка, мамулёк, Любаня, Сергунчик, Наташенька* и т. д. и японские ОТОТТЯН «папаня», ОДЗИ:ТЯМА «дедуля», ДЗЮНТЯН (вежливо-ласкательное от имени Дзюн), МОРИТЯН (вежливо-ласкательное от фамилии Мори). Из-за обилия уменьшительно-ласкательных суффиксов в русском языке таких морфологических вариантов больше, ср.: *душенька, начальничек, батюшка, женишок, малютка, малышка, Валерик, Оленька* и т. д. С другой стороны, японский язык обладает большим разнообразием суффиксов вежливости и их функциональных эквивалентов: -САН, -САМА, -ТЯН, -ТЯМА, -КУН, -ДОНО, -КАККА, -СЭНСЭЙ, -КАТЁ:, -БУТЁ:, -СЯТЁ: и т. д.

Одной из примечательных черт японского языка является ряд ограничений, связанных с употреблением обращений. Первое ограничение состоит в том, что сама возможность ис-

пользования обращений обуславливается в японской языковой культуре личными отношениями или какой-то социальной причастностью субъекта речи к собеседнику, например, принадлежностью к одной и той же социальной группе людей – семье, государственному учреждению, какому-то социальному институту, фирме, партии, клану и т. д. В проведенном нами в Осацком государственном университете анкетировании на вопрос: «Как бы вы обратились к незнакомому человеку при необходимости спросить дорогу?» (далее давались шесть разновидностей возможного собеседника: молодого, среднего или пожилого возраста, мужского или женского пола) примерно в 96% случаев мы получили ответы, избегающие прямых обращений. Самыми распространенными контактоустанавливающими фразами были следующие: СУМИМАСЭН «Извините», СУМИМАСЭН ГА «Извините, но», ТЁТТО «Минутку», ТЁТТО СУМИМАСЭН «Извините, пожалуйста», АНОО ТЁТТО СУМИМАСЭН «Послушайте, извините, пожалуйста», ОНЭГАИСИМАС «Прошу вас», ТЕТТО ОТАДЗУНЭ СИМАС ГА «Позвольте у вас спросить». Примерно тот же результат получился при необходимости окликнуть официанта или продавца. Однако при необходимости спросить дорогу у полицейского или таксиста в 15% случаев были использованы обращения ОМАВАРИСАН «господин полицейский», УНТЭНСЮСАН «господин водитель». По-видимому, два последних воспринимаются как члены сообщества, к которому принадлежит и сам коммуникатор, что позволяет переступить своеобразное табу на употребление обращений по отношению к чужим и незнакомым людям. В некоторых анкетах отмечалось, что в случае более или менее фамильярных отношений, например, с работником или хозяином (хозяйкой) ресторана (бара) в соответствии с возрастом говорящего и его собеседника становятся уместными обращения типа МАСУТА: «хозяин; управляющий, владелец, начальник» (англ. master), МАМА «хозяйка бара (ресторана)» (англ. mama), ОНЭ:САН «сестрица», ОНИ:САН «братишка», ОТО:САН «отец», ОКА:САН «мать», ОДЗИ:ТЯН «дедушка», ОДЗИТЯН «дядя», ОБА:ТЯН «бабушка», ОКАМИСАН «чья-л. жена, хозяйка», и даже ТАЙСЁ: «шеф», «генерал». Вероятно, употребление вышеперечисленных обращений без каких-то личных отношений содержит претензию на таковые и потому представляется японцам слишком навязчивым. Итак, в японском языке не принято пользоваться обращениями по отношению к людям, которые не входят в какую-то социальную общность с коммуникатором.

Ограничения лексического характера, связанные с функционированием обращений японского языка, были замечены Т. Судзуки [26]. Изучая средства обозначения отправителя и получателя речи в японской семье, Т. Судзуки обнаружил, что имена собственные и местоимения не употребляются по отношению к «высшим» (то есть старшим по возрасту), а термины родства не употребляются по отношению к «низшим»¹. Это правило может нарушаться только в том случае, когда система переориентирована на обслуживание самого младшего члена семьи, что нередко происходит при рождении мальчика: родители начинают тогда называть друг друга МАМА, ПАПА (ОТО:САН «папа», ОКА:САН «мама») ², своих родителей – ОДЗИ:САН «дедушка», ОБА:САН «бабушка», старших детей – ОНИ:ТЯН «старший брат», ОНЭ:ТЯН «старшая сестра», а к новому маскулинному члену семьи обращаются при помощи местоимения первого лица БОКУ «я» в значении второго лица: 1) **БОКУ ХАЯКУ**

¹ См. также [4, с. 24–25].

² В контексте женской эмансипации в последнее время возросло количество пар, обращающихся друг к другу по имени даже после появления ребенка.

ИРАССЯЙ «Иди (сюда) скорей!» букв. «**Я**, иди (сюда) скорей!»; **БОКУ-ТЯН** КОРЭ ХОСИЙ Н ДЭСЁ: «**Ты** ведь хочешь это, верно?» букв. «**Я-шенька!** Ты это ведь хочешь, верно?» [27, с. 172–173].

Важность отношений социальной иерархии проявляется и в деловой сфере. К вышестоящим обычно обращаются по должности, нижестоящих называют по фамилии с добавлением суффиксов вежливости. Если кто-то из сотрудников называет начальника по фамилии с суффиксом -САН «господин», а не по должности, это может служить признаком того, что между ними существуют отношения, выходящие за рамки служебных (например, дружеские отношения). Таким образом, употребление обращений в японском языке связано с манифестацией отношений социальной иерархии. Это и объясняет ограниченность использования обращений по отношению к чужим и незнакомым людям: иерархический статус последних неизвестен.

При употреблении обращений в русском языке иерархические отношения обычно не требуют обязательного выражения, хотя иногда могут эксплицироваться в некоторых ситуациях, например, родителями во время нотаций или нравоучений своему чаду. В таком случае вместо обычного обращения по имени нередко используются термины родства: *сын, дочь, сынок, доченька*. В свою очередь, например, споря или ссорясь с родителями, ребенок интуитивно избегает обычных обращений «папа» или «мама», фиксирующих отношения иерархии поколений, и заменяет их личными местоимениями.

В общем можно сказать, что на употребление обращений в японском языке накладываются гораздо более жесткие социально-культурные ограничения, чем в русском, и арсенал лексических единиц, употребляемых в обращениях разговорного японского языка, уже, чем в русском. Например, значительная часть терминов родства в вокативах разговорного языка обычно не употребляется, ср.: ОТО:ТО «младший брат», ИМО:ТО «младшая сестра», ОЙ «племянник», МЭЙ «племянница», ОТТО «муж», ЦУМА «жена», ВАЙФУ «жена», РЁ:СИН «родители», ФУБО «отец и мать», СОФУБО «дед и бабушка», КАНАЙ «моя жена» (букв. «внутри дома»), МУСУМЭ «дочь» и т. д. Если обратиться к русскому языку, то окажется, что его возможности шире. Кроме общих с японским слов *отец, мать, папа, мама, брат, сестра, дядя, тетя, бабушка, дедушка, тесть, тёща* часто употребляются слова *сын, дочь, родители, дети, кузен, кузина, племянник, племянница* и т. д. Нет ограничений и на употребление других терминов родства.

Наиболее обширным классом лексем, регулярно употребляемым в вокативах японского языка, являются названия руководящих должностей, ср.: СО:РИ «премьер-министр», ТАЙСИ «посол», РЁ:ДЗИ «консул», ДАЙДЗИН «министр», ДЗИМУТЁ: «управляющий делами», ГИТЁ: «председатель», «спикер», КАЙТЁ: «президент», РИДЗИТЁ: «генеральный директор», ГАКУТЁ: «ректор», ДЗАТЁ: «председатель собрания», ЭКИТЁ: «начальник станции», СЯТЁ: «директор компании», БУТЁ: «начальник департамента», ИИНТЁ: «председатель комитета», САЙБАНТЁ: «председатель суда», СЭНТЁ: «капитан» и т. д. В японском языке такие лексемы могут употребляться в качестве обращений не только в официальной торжественной обстановке, но и в неофициальной беседе. При этом в торжественной публичной речи названия высоких должностей не только не требуют, но обычно и не допускают присоединения суффикса вежливости -САН, поскольку его использование сопряжено с оттенком фамильярности, например:

① **総理**、ここは衆議院の本会議場です。日本の議会制民主主義の中心となる場所です [29] «Господин премьер-министр (букв. «Премьер-министр»), мы находимся на пленарном заседании Палаты представителей»;

② **大臣**、お疲れさまでございます [29] «Господин министр (букв. «Министр»), огромное спасибо за ваши усилия»;

③ **参謀総長**、次長へ報告したが... [29] «Господин начальник генерального штаба, (букв. «Начальник генерального штаба») я уже докладывал вашему заместителю, но ...»;

④ 「**やあ、大使**、約束を守りましたね [29] «О, господин посол, (букв. «О, посол») вы выполнили своё обещание, не так ли?».

В обращение может быть добавлена фамилия соответствующей персоны; в обращении к директору школы обычно присутствует и вежливое «приложение» -СЭНСЭЙ:

⑤ **小泉総理**、あなたはほとんどの改革を中途半端な姿で投げ出してしまいました [29] «Господин премьер-министр (букв. «Премьер-министр Коидзуми»), большую часть своих реформ вы изволили осуществить в весьма незавершенной форме»;

⑥ ... **校長先生**、ご挨拶をお願い致します [29] «Господин директор (букв. «Директор-сэнсэй»), позвольте предоставить вам слово для приветствия».

В качестве обращений в разговорном японском языке широко используются названия видов деятельности, профессий, а также компаний и магазинов. Ср.: ДАЙКУСАН «господин плотник», УНТЭНСЮСАН «господин водитель», ОМАВАРИСАН «господин полицейский», ТЭНЬИНСАН «господин продавец», УЭ:ТОРЭСУСАН «госпожа официантка», ЯОЯСАН «господин зеленщик» (ЯОЯ «овощная/фруктовая лавка»), САКАНАЯСАН «господин дилер рыбного магазина» (САКАНАЯ «рыбная лавка»), ДЭНКИЯСАН «господин дилер магазина электротехники» (ДЭНКИЯ «магазин электротоваров»), НИКУЯСАН «господин дилер мясного магазина» (НИКУЯ «мясной магазин»), ХАНАЯСАН, «господин дилер цветочного магазина» (ХАНАЯ «цветочный магазин»), ХОНЪЯСАН «господин дилер книжного магазина» (ХОНЪЯ «книжный магазин»).

Что касается вышеназванных классов лексем в русском языке, то здесь нужно говорить о двух системах: о той, которая существовала до падения диктатуры КПСС, и той, которая возникла в постсоветскую эпоху. В старой системе в сопровождении слова «товарищ» в официальной речи в качестве обращений употреблялись не только названия высоких должностей (ср.: *товарищ председатель Верховного Совета, товарищ маршал, товарищ командир, товарищ директор* и т. д.), но и вполне скромных (ср.: *товарищ милиционер, товарищ секретарь, товарищ преподаватель, товарищ продавец, товарищ контролер* и т. д.). То же «товарищи» употреблялось в качестве официального обращения почти к любой аудитории, ср.: *Товарищи депутаты (деlegates, телезрители, радиослушатели, учащиеся, спортсмены, родители...)*. Только деятели искусства и ученые предпочитали более нейтральное (неполитизированное) обращение «коллеги». Параллельно с обращением «товарищи» в судебно-юридической сфере и в декларациях общенационального характера использовалось обращение «гражданин». Оно проникло и в обиходно-бытовое общение (ср.: *Гражданин, будьте внимательнее; Гражданка, это вы перчатку уронили?*).

В постсоветскую эпоху в Федеральном Собрании РФ обращения со словом «товарищ» сменились лишенными прежних политических коннотаций выражениями типа *уважаемые депутаты, народные депутаты, уважаемые коллеги, уважаемый съезд, высокий съезд,*

уважаемый президент, уважаемый председательствующий. На место обращений со словом «товарищ» постепенно пришли обращения со словом «господин». Их распространение в постсоветскую эпоху подстегивалось процессами вестернизации российского общества и культуры общения в политической и деловой сферах. Большое влияние на распространение обращений со словом «господин» оказывали международные стандарты использования категории обращения на биржах, торгах, аукционах, в фешенебельных ресторанах, ночных клубах, кабаре и т. п.

В русском языке с сокращением употребления слова «товарищ» названия профессий, должностей, видов деятельности стали более свободно употребляться в качестве вокативов самостоятельно, постепенно соединяясь в обращениях со словом «господин».

Из перечисленных классов лексем, по-видимому, названия высоких должностей и видов профессиональной деятельности используются в японском языке в качестве обращений более широко и свободно, чем в русском. Большой сложностью отличается система личных местоимений японского языка, которые поражают исследователей своим количеством¹, скоростью изменения значений [15], тонкостью семантических и стилистических нюансов функционирования в языке [1], а также ограничениями на употребление в речевой коммуникации японцев [27]. Как уже отмечалось выше, японские местоимения обычно используются в качестве обращений к «своим», «низшим» или «равным» и обычно не употребляются при обращении к «чужим» и «высшим». В последние десятилетия возникло одно исключение, связанное с функционированием местоимения второго лица АНАТА «ты», «вы». Это слово традиционно употребляется в обращениях жены к мужу или в обращениях женщины к мужчине в случае близких (интимных, нередко психологически напряженных) отношений между ними, например:

① 「ねえ。あなた」と、妻が呼びかけた（星新一）«Послушай, дорогой! – окликнула (мужа) жена» (В коротком рассказе С. Хоси супружеские отношения персонажей имплицитно обращением АНАТА);

② 「馬鹿ねえ。だけど、そんなこと、あなた私に吹聴なさらなくってもいいじゃないの。」（川端康成）«Глупо с вашей стороны! Но, послушайте, вы могли и не сообщать мне такие вещи!» (В романе Я. Кавабата «Снежная страна» молодая гейша обращается к своему клиенту, с которым состоит в интимной связи).

В последние десятилетия не без влияния процессов вестернизации японской культуры и языка [5, 11] местоимение АНАТА «вы» постепенно начинает использоваться и в качестве средства обозначения собеседника в обращениях к «чужим», обычно сознательно или бессознательно позиционируемым субъектом речи в качестве лиц «равных» или «низших». Например, это касается обращений преподавателей к студентам, обращений к своим клиентам японской эмиграционной службы и полиции. Впрочем, в подчёркнуто вежливой, высокой и торжественной речи использование этого местоимения по-прежнему избегается.

В русском языке местоимения в обращениях также употребляются ограниченно. Многие варианты вокативов с местоимениями «ты» и даже «вы», при всей вежливости последнего, резки, грубы, пренебрежительны, сопряжены с конфликтными ситуациями (ср.: *Ты! Вы! Эй ты! Эй вы! Ну ты! Ну вы!*).

¹ Н.А. Сыромятников в новояпонском языке (17–19 вв.) насчитал около сотни личных местоимений [15, с. 123].

Принципиальным отличием русских вокативов является то, что список лексем, используемых в обращениях, значительно более обширен, чем в японском языке. Основное ядро лексем, употребляемых в вокативах, выделяется довольно четко и по своему составу сопоставимо с соответствующими классами лексем японского языка, однако лексемы, употребляющиеся в оценочно-характеризующих вокативах, не могут быть представлены списком из-за бесконечности метафорических и метонимических способов обозначения лиц, которые используются при создании таких вокативов. В оценочно-характеризующих вокативах часто используются названия животных и растений: *голубчик, голубушка, касатик, касатка, сокол, орел, ласточка, козочка, птичка, зайчик, киса, березка, цветочек, цветик, колокольчик, персик*; названия астрономических объектов и явлений: *солнышко, лучик, зорька, звездочка*; эмоционально-оценочная лексика: *умница, дурочка, дурачок, дуралей, балбес, протостофия*; качественно-характеризующая лексика: *золотой, каменный, алмазный, бриллиантовый, нежный, ласковый*; лексика, обозначающая позитивное отношение к кому-то: *милый, любимый, дорогой, уважаемый, многоуважаемый*; лексика со значением чего-то малого или маленького: *детка, малышка, крошка, лапочка* и т. д. По этому ни в коей мере не полному списку можно себе представить огромный массив лексики, которая может встретиться в оценочно-характеризующих обращениях русского языка.

В вокативах русского и японского языков широко представлены имена и фамилии людей, но в их использовании есть существенные различия. В русском языковом коллективе имена в равной степени употребляются и в кругу семьи, и при общении с друзьями, и в неофициальном общении с коллегами по работе. Для молодого человека преобладающими являются случаи, когда его называют по имени, фамилия используется преимущественно в формально-административной сфере. По отношению к зрелому человеку основным становится обращение по имени и отчеству. Такое обращение при известных обстоятельствах (совместное проживание с невесткой или зятем, повторный брак и т. п.) может занимать значительное место даже в кругу семьи. Для японца же в официальной сфере именно обращение по фамилии (исключая раннее детство и интимно-фамильярное общение с самыми близкими друзьями) является основным. Имя используется в семейном общении (с описанными выше ограничениями) и в коммуникации с друзьями. При этом и фамилия, и имя обычно используется вместе с суффиксами вежливости и их эквивалентами. Более архаическая протокитайская система обозначения лиц имеет место в письменно-книжных стилях японского языка (см. ниже).

Как видим, лексические единицы, часто используемые в вокативах русского и японского языков, подвергаются сходным фонетическим, морфологическим, семантическим процессам. Под влиянием вокативной функции они могут образовывать компрессионные (сжатые) формы, принимать уменьшительно-ласкательные/вежливые суффиксы, семантически опустошаться или расширять своё значение.

3. Стилистические аспекты проблемы

И в русском, и в японском языках обращения по сфере использования можно подразделить на обиходно-разговорные, публично-официальные и письменно-книжные. В последнюю группу в японском языке входят литературно-книжные обращения, относящиеся к поэтическому стилю речи и уникальные по своей структуре и лексике (подробнее – ниже).

При диахроническом подходе к обращениям русского языка оказывается, что за вокативной системой современного языка стоит более сложная система обращений имперской эпохи, конец которой был положен социальными трансформациями российского общества и русской языковой культуры в советскую эпоху. В прошлое ушла система обращений феодального общества, учитывавшая его сословную стратификацию и строгие нормы речевого этикета. Как известно, к царю и царице было принято обращаться «ваше императорское величество», к принцам и великим князьям (княгиням) – «ваше императорское высочество», к князьям царской крови – «ваше высочество», к князьям, потомкам царей и жалованным светлейшим князьям – «ваша светлость», к князьям, графам, герцогам и баронам – «ваше сиятельство», к остальным дворянам – «ваше благородие» [16]. Более универсальными обращениями к высокопоставленному лицу были *ваша милость*, *милостивый государь*, *милостивая государыня*, *милостивые господа*; использовалось и пришедшее из английского языка *милорд*. Наиболее универсальными обращениями были *сударь/сударыня* по отношению к «равным» и *любезный* по отношению к лицам, оцениваемым как «низшие».

Примеры таких форм вокатива несложно обнаружить в исторической художественной литературе, а также в официальных документах и письмах соответствующей эпохи. Такие вокативные архаизмы иногда используются в современной устной и письменной речи для выражения иронии или сарказма, например:

① А я думала – отменили, перенесли... Племяш, что ж за мной-то не послал? Не нужна стала? – Я ни за кем не посылал, *Ваша светлость*, – кто пришел, те и участвуют. Устраивайтесь. И не будем здесь называться тетей и племянником, неудобно (Георгий Полонский. Медовый месяц Золушки (1986) // «Театр», 1988).

② Прибыл я в хутор, доложил обо всем Давыдову, он и за голову схватился, орет на меня: «Ты за ними плохо ухаживал!» Но я ему отпел на это: «Не я плохо ухаживал, а вы дюже хорошо ездили. То ты, *ваша милость*, то Макарушка, то Андрей Размётнов (М.А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2. 1959).

③ Делаю это только для того, чтобы умирить твое беспокойство. На самом деле уезжать отсюда мне, по моему глубокому убеждению, не следует. Кроме того, жаль денег, жаль рабочего времени и более всего жаль сил. Но всё это кладу к Вашим ногам, *милорд*. Ибо твое беспокойство действует на меня и на расстоянии. Пусть будет так (Л.К. Чуковская. Письма К.И. Чуковскому (1930–1939) // «Дружба народов», 2001).

Письменно-книжные обращения японского языка сформировались под влиянием классического эпистолярного стиля СО:РО:БУН, который на протяжении столетий служил в качестве языка деловой и частной переписки. СО:РО:БУН представляет собой гибрид стиля буквального перевода на китайский – КАМБУН (восходящего к классическому китайскому языку ВЭНЬЯНЬ) и японского классического литературного языка БУНГО, возникшего в эпоху раннего средневековья (9–10 вв.) также под сильным влиянием китайского языка. Поэтому в письменно-книжных обращениях японского языка много китаизмов, неразрывно связанных с иероглифической графикой и китайской грамматикой [10]. В процессе вестернизации языковой культуры японцев обращения (а также их функциональные эквиваленты), пришедшие из китайского языка, становятся всё более архаичными, постепенно выходят из употребления: ср. ХАЙКЭЙ 拜啓 эпист. «Уважаемый (обращение в обычном письме)», КИНКЭЙ 謹啓 эпист. «Милостивый государь!», КАКУИ 各位 «(Уважаемые) господа», «дамы и господа», ТАЙКЭЙ 大兄 зн. «Вы (почтительно)», МЭЙКЭЙ 盟兄 зн. «Уважаемый

брат (вежливое обращение к другу)», КИКЭЙ 貴兄 эпист. «Вы (при обращении к мужчине)»; ср. также ХАЙФУКУ 拝復 (букв. «Ещё раз с почтением») эпист. «Отвечаю на Ваше письмо (обращение в ответном письме)», КАНСЁ: 冠省 (букв. «убрав корону») эпист. «Извините, что прямо перехожу к делу (обращение в неформальном письме)»; ДЗЭНРЯКУ 前略 (букв. «Сократив начало») эпист. «Извините, что прямо перехожу к делу (обращение в неформальном письме)» [20]. В официально-деловой и частной переписке сохраняются многие архаичные элементы, восходящие к классическому эпистолярному стилю, например, особые формулы вежливости, употребляемые в начале письма и заменяющие инициальные обращения. В официальной переписке слова, обозначающие собеседника, обычно употребляются с суффиксами -САМА 様 и -ДОНО 殿, к названиям организаций присоединяется функциональный эквивалент вышеуказанных суффиксов -ОНТЮ: 御中. В частной переписке используется большой набор средств от классических эпистолярных до порожденных калькированием европейских языков. В последнее время представители молодого поколения часто не соблюдают традиционные эпистолярные нормы, все шире используется система обращений разговорного языка. Под влиянием электронных переводчиков и большого массива переводной литературы, а также дублированных по-японски художественных и документальных фильмов европейских и американских режиссёров усиливается воздействие на японский язык английского и других европейских языков [5, 11].

В японском литературно-книжном языке в качестве обращений всё еще используются и термины родства со словообразовательным «полуаффиксом» [14, с. 115] -УЭ 上 «верх», передающим значение почтительности, ср.: ТИТИУЭ 父上 почт. «Дорогой отец!», ХАХАУЭ 母上 эпист. «[Моя] дорогая мама!», АНЭУЭ 姉上 «Дорогая сестрица!» почтительное обращение к старшей сестре, АНИУЭ 兄上 «Дорогой брат!» почтительное обращение к старшему брату, ОДЗИУЭ 叔父上 почт. «Дорогой дядя!», ОБАУЭ 小母上 почт. «Дорогая тётя!» т. д. [20]. С точки зрения современной системы обозначения лиц такие выражения архаичны.

В устно-разговорном стиле японского языка (особенно в вежливой речи) вместо обращений нередко используется обозначение собеседника в третьем лице. Менее, чем в русском, распространены прямые обращения и в письменных стилях японского языка. В распоряжении, предписаниях, извещениях и т. д. вместо обращения нередко используется заголовок ОСИРАСЭ «извещение, уведомление, объявление» или обращение заменяется прямым обозначением адресата речи, ср.: ДЗАЙСЭКИ ГАКУСЭЙ-НО МИНАСАН-Э «Для (информации) студентов, проходящих обучение».

По отношению адресанта к адресату и степени вежливости речи в русском и японском языках выделяются подчеркнуто-вежливые, нейтрально-вежливые, фамильярные и грубые формы обращений. В обоих языках среди последних присутствуют местоименные выражения (ср.: КИСАМА «ты», «братан», ОМАЭ «ты», ТЭМАЭ «ты» букв. «перед моими руками» и «Эй ты!», «Ну вы!»). В русском языке в качестве обращений могут также использоваться разнообразные бранные слова, которые в японском языке в вокативной позиции используются ограниченно.

И в русском, и в японском языках особое место среди обращений занимают обращения книжно-поэтической речи. Строго говоря, вокативные единицы в поэтической речи являются квазиобращениями. Они не предназначены для регулирования поведения получателя

речи и не требуют какой-либо его реакции. Квазиобращения – особая фигура поэтической речи, риторический прием, позволяющий автору выразить свои чувства и эмоциональные переживания по отношению к какому-либо предмету, явлению, событию, лицу, тем самым повысить экспрессивность речи, сделать ее эмоционально напряженной и возвышенной, например:

И льется аллилуйя
 На смуглые поля.
 – Я в грудь тебя целую,
Московская земля! (М. Цветаева);
 ひとつづきの塩水よ **О, бескрайняя гладь моря!**
 われらが夏の始まりは Начало нашего лета
 いずれの国の Какой страны
 冬のまっさかりか Самый разгар зимы? (川崎洋).

В русском языке квазиобращения отличаются от подлинных обращений стилистико-статистически: в первых чаще встречаются сложные синтаксические конструкции, чаще употребляются редкие для разговорной речи книжные слова. В японском же языке квазиобращения не связаны с ритуалом речевого общения и выражением иерархических отношений. Поэтому в поэтическом стиле снимаются лексические ограничения, свойственные обиходно-разговорной речи, и, например, термины родства без ограничений используются для обозначения «низших». Соответственно, список лексем, употребляемых в синтаксической позиции вокативов, становится открытым, например:

- ① うつぶせに眠っている弟よ **О, младший брат! Заснувший вниз лицом** (清水旭);
 ② **雄雄しいわたしの恋人よ О ты, моя бесстрашная любовь** (高橋睦郎);
 ③ たまたま笑え、死者よ、死者よ **О ты, мертвец, мертвец!** Ты смейся иногда (入沢康夫).

Как правило, квазиобращения в японской литературно-книжной речи оформляются при помощи восклицательной частицы *Ё*, однако такое эмоциональное выделение не является обязательным, например:

- ④ 信じてくれ **賢い同志達** Поверьте мне! **Мои разумные товарищи** (黒田喜夫).

В целом для японского языка характерна бо́льшая, чем для русского языка, специализация обращений по стилям и жанрам речи. В русском языке, хотя стилистические различия между обращениями и существуют, они легче перетекают из одного стиля в другой, нет принципиального различия между устными и письменными формами обращений. А в письменно-книжных вариантах японского языка до сих пор велико значение китайской лексики, грамматики [10], этики и эстетики, обнаруживаются архаичные формы обращений. Как было показано выше, уникальные для японского языка формы обращений обнаруживаются и в книжно-поэтической речи.

Заключение

Сопоставительный анализ обращений русского и японского языков помог нам выявить сходства и различия единиц, относящихся к вышеназванной категории в двух языках.

Обнаружилось много общего в речевом функционировании, синтаксических особенностях, а также в фонетическом, морфологическом и семантическом развитии вокативных единиц. Были выявлены и некоторые существенные различия, например, обращения японского языка в большей степени связаны с отношениями социальной иерархии, они обычно избегаются в коммуникации с незнакомыми людьми, поскольку социальный статус последних неизвестен. В функционировании обращений японского языка больше ритуальной упорядоченности, чем в русском, например, в семейном общении младших обычно называют по именам, а при обращении к старшим используются термины родства. В деловом общении вышестоящих принято называть по должности, а нижестоящих – по фамилии с добавлением необходимых показателей вежливости. В русском языке в качестве обращений в обилии используются образные метафорические и метонимические средства, и их список принципиально не ограничен. Существуют даже специальные грамматические конструкции, характерные для вокативной позиции в русском языке. В японском языке свойственная русскому языку свобода в использовании вокативных средств имеет место только в книжно-поэтической речи. В разговорно-обиходном стиле японского языка использование образных метафорических и метонимических средств в обращениях ограничено.

Яркой особенностью японской культуры является то, что элементы традиционного жизненного уклада, ценности, выработанные за многие столетия феодальной истории Японии, не уничтожаются полностью последующей эпохой, а сохраняются в глубине общественного сознания и незаметно вплетаются в новые жизненные реальности. Например, возникшие в эпоху средневековья формы вежливости (КЭЙГО), хотя и трансформировались в современные правила речевого этикета, продолжают функционировать на основе признака социальной иерархии: лицо, являющееся предметом или получателем речи, оценивается как «высшее», «равное» или «низшее» по отношению к отправителю речи. Отношения социальной иерархии играют важную роль и при употреблении обращений: внутри каждого языкового коллектива (семья, предприятие, административное учреждение, партия т. д.) обращения постоянно манифестируют отношения социальной иерархии. Поэтому носители японского языка обычно избегают использования обращений по отношению к «чужим», социальный статус которых, а следовательно, и место в иерархии неизвестны.

Связь системы японских обращений с выражением иерархических отношений, а также ритуализированность речевой коммуникации японцев, по-видимому, являются причинами неразвитости в японском языке оценочно-характеризующих обращений, которые широко представлены в русском языке. Возможность создания и использования таких обращений (квазиобращений) в поэтическом стиле свидетельствует о том, что ограничения на создание оценочно-характеризующих обращений в разговорном языке обусловлены социально-культурными, а не чисто языковыми факторами. Появление оценочно-характеризующих обращений, соположение обращений с личными местоимениями второго лица, описанное Т. Хигасидэ [32], а также учащение использования личных местоимений, наблюдаемое в последние десятилетия, по всей вероятности, связаны с процессами вестернизации японской культуры и языка [5, 11]. Как долго и в какой степени японский язык сможет противиться этому влиянию и сохранять свою самобытность, покажет время.

Список литературы

1. Алтатов В.М. Система местоимений 1-го и 2-го лица в современном японском языке // Теория и типология местоимений. М.: Наука, 1980. С. 3–26.
2. Виноградов С.И. Слово в парламентской речи и культура общения // Русская речь. 1993. № 2. С. 50–55.
3. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 136 с.
4. Дыбовский А.С. Некоторые особенности обозначения лиц в современном японском языке // Ученые записки ЛГУ им. А.А. Жданова; № 426. Сер. востоковед. наук / Востоковедение. 16: Исслед. по филологии и истории культуры, 1990. №. 32. С. 19–31.
5. Дыбовский А.С. О дискурсивных особенностях использования западных заимствований в современном японском языке (новая редакция) // Педагогика: история, перспективы. 2022. Т. 5, № 4. С. 119–135. <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2022-5-4-119-135>
6. Дыбовский А.С. Обращение в современном японском языке // Слово и образ. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 70–80.
7. Дыбовский А.С. Опыт сопоставления обращений русского и японского языков // 『言語文化研究』第20号 (Исследования по языку и культуре, № 20), 1994. С. 187–210.
8. Дыбовский А.С. Ритуал и игра: о некоторых особенностях речевой коммуникации в японском и русском этноязыковых коллективах: постановка проблемы // Известия Восточного института Дальневосточного университета. 2006. Вып. 13. С. 103–120.
9. Дыбовский А.С. Универсальные свойства междометий и их лингвистическое описание. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1983. 73 с.
10. Дыбовский А.С. Элементы китайской грамматики в современном японском языке // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 43–57.
11. Дыбовский А.С. Японский язык как арена столкновения цивилизаций // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 4. С. 17–30.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. седьмое. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
13. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1979. 432 с.
14. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Теоретическая грамматика современного китайского языка (проблемы морфологии). Курс лекций. М.: Военный институт, 1979. 151 с.
15. Сыромятников Н.А. Закономерности развития личных местоимений в новояпонском языке // Теория и типология местоимений. М.: Наука, 1980. С. 104–126.
16. Устаревшие обращения. URL: <https://rus.stackexchange.com/questions/123/Устаревшие-обращения> (дата обращения: 16.02.2024).
17. Фирдевс Б.К. Обращение в современном русском языке: виды и функции // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 74–76.
18. Формановская Н.И. В последнее время... (юбилейный сборник статей). М., 2012. 280 с.
19. Brown, P., & Levinson, S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 335 p.
20. Jardic. Japanese Dictionaries. URL: http://www.jardic.ru/index_e.htm (дата обращения: 18.02.2024).

21. 奥山 益郎、現代敬語読本 = *Okuyama Rokuuro*. Современные формы вежливости. Хрестоматия, 1976. 644 p.
22. 木枝 増一、高等国文法新講・文章編 = *Kiёda Masuyuti*. Новый продвинутый курс грамматики японского языка. Синтаксис, 1937–1938. 394 p.
23. 研究資料日本文法 第四巻、修飾句、独立句編、明治書院 昭和59年23. = Исследовательские материалы по грамматике японского языка. Т. 4: Определительные клаузы, независимые клаузы. Токио, Мэйдзи Сёин, 1984. 345 p.
24. 国語学辞典、東京堂 = Словарь лингвистических терминов. Токио, 1975. 1286 p.
25. 口語文法講座 2 各論研究編、明治書院 昭和40年 = Лекции по грамматике разговорного языка 2: Продвинутое исследование. Токио, Мэйдзи Сёин. 343 p.
26. 鈴木孝夫、自称詞と対称詞の比較、英語比較講座、第5巻、文化と社会、大修館 = *Suzuki Taкао*. Сравнительное исследование средств обозначения первого лица и собеседника. Компаративные исследования английского языка. Т. 5. Культура и общество. Издательство Дайсюкан, 1982. 226 p.
27. 鈴木孝夫、言葉と文化、岩波書店、第50刷発行、東京 = *Suzuki Taкао*. Язык и культура. Токио: Издательство Иванами, 50-й тираж, 1998. 209 p.
28. 谷脇 道彦、日本語の文法 = *Taniwaki Mitихико*. Грамматика японского языка. Токио, 1988. 258 p.
29. 中納言コーパス 検索アプリケーション = Корпус японского языка “Тюнагон” / Поисковое приложение. URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search/> (дата обращения: 12.01.2024).
30. 仁田 義雄、日本語のモダリティとその周辺、仁田義雄日本語文法著作選、第2巻 ひつじ書房、東京 = *Nitta Ёсио*. Модальность в японском языке и вокруг неё. Избранные работы Нитта Ёсио по японской грамматике. Т. 2. Токио: Издательство Хицудзи Сёбо, 2009. 294 p.
31. パン F.C. 呼称の社会学 日米の比較、日英比較講座、第5巻、文化と社会、大修館書店、東京 = *Пан Ф.С.* Социология обращения: Сравнение между Японией и Соединенными Штатами. Сравнительные японско-английские исследования. Т. 5, Культура и общество. Издательство Дайсюкан-сётен, 1982. 226 p.
32. 東出 朋、日本語の呼びかけ語の語用論的機能とポライトネス: 日露対照研究を通して九州大学大学院地球社会統合科学府 2018年1月、出版情報: Kyushu University, 2017、博士(学術)、課程博士バージョン = *Higashiide Томо*. Прагматические функции и вежливость японских обращений: Сравнительное исследование японского и русского языков: дисс. ... д-ра наук. Высшая школа интегрированных наук для глобального общества. Университет Кюсю, январь 2018 г. 336 p. <https://doi.org/10.15017/1931985>
33. 堀内 克明、コミュニケーションの比較・日本と欧米、言語生活、1979、6月号 = *Хориноучи Кацуаки*. Сравнение коммуникации: Япония и Запад (Европа, Америка) // Языковое существование. Июньский номер, 1979. P. 18–31.
34. 渡辺 友左、家族の呼び方、言語生活、1963、8月号. = Ватанабэ Томоса. Обозначение лиц в семье // Языковое существование. Августовский номер. 1963. P. 42–49.

35. 山田 孝雄、日本文法学概論 3版、東京 宝文館 = Ямада Ёсио. Введение в грамматику японского языка, 3-е изд., Токио: Изд-во Хобункан, 1949. 1148 p.
36. 米田 正人、夫婦の呼び方、言語生活、1986、7月号 = Ёнеда Масато. Обращение супругов друг к другу // Языковое существование. Июльский номер. 1986. P. 18–21.

References

1. Alpatov V.M. The System of First and Second Person Pronouns in Modern Japanese. *Theory and Typology of Pronouns*. Moscow, Nauka Publ., 1980. P. 3–26. (In Russ.).
2. Vinogradov S.I. The Word in Parliamentary Speech and Communication Culture. *Russian Speech*, 1993, no. 2, pp. 50–55. (In Russ.).
3. Gol'din V.E. Addressing: Theoretical Problems. 2nd ed., rev. and expanded. Ed. L.I. Barannikova. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 136 p. (In Russ.).
4. Dybovsky A.S. Some Peculiarities of Person Reference in Modern Japanese. *Oriental Studies, 16: Research in Philology and Cultural History. 1990. № 32. P. 19–31*. (Scientific Notes of Leningrad State University named after A.A. Zhdanov; No. 426. Series: Oriental Studies). (In Russ.).
5. Dybovsky A.S. On the Discursive Features of the Use of Western Loanwords in Modern Japanese. (New Edition). *Pedagogy: History, Perspectives*, 2022, vol. 5, no. 4, pp. 119–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2022-5-4-119-135>
6. Dybovsky A.S. Addressing in Modern Japanese. *Word and Image*. Moscow, Moscow State University Press Publ., 1989. P. 70–80. (In Russ.).
7. Dybovsky A.S. A Comparative Study of Address Terms in the Russian and Japanese Languages. *Studies in Language and Culture*, 1994, no. 20, pp. 187–210. (In Russ.).
8. Dybovsky A.S. Ritual and Play: on Some Features of Speech Communication in Japanese and Russian Ethno-linguistic Communities: Problem Statement. *Proceedings of the Eastern Institute of the Far Eastern University*, 2006, no. 13, pp. 103–120. (In Russ.).
9. Dybovsky A.S. Universal Properties of Interjections and Their Linguistic Description. Vladivostok, Far Eastern University Press Publ., 1983. 73 p. (In Russ.).
10. Dybovsky A.S. Elements of Chinese Grammar in Contemporary Japanese. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 43–57. (In Russ.).
11. Dybovsky A.S. Japanese Language as an Arena of Civilizational Clash. *Far Eastern Philological Journal*, 2023, vol. 1, no. 4, pp. 17–30. (In Russ.).
12. Peshkovskiy A.M. Russian Syntax in Scientific Research. 7th Edition. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2001. 544 p. (In Russ.).
13. *Russian Language*. Encyclopedia. Ed. by F.P. Filin. Moscow, 1979. 432 p. (In Russ.).
14. Solntseva N.V., Solntsev V.M. Theoretical Grammar of the Modern Chinese Language (Issues of Morphology). Lecture Course. Moscow, Military Institute Publ., 1979. 151 p. (In Russ.).
15. Syromyatnikov N.A. Regularities of Personal Pronoun Development in Modern Japanese Language. *Theory and Typology of Pronouns*. Moscow, Nauka Publ., 1980. P. 104–126. (In Russ.).
16. *Obsolete Forms of Address*. (In Russ.). URL: <https://rus.stackexchange.com/questions/123/Устаревшие-обращения/> (accessed: 16.02.2024).
17. Firdevs B.K. Address Forms in Contemporary Russian Language: Types and Functions. *Vestnik VGU. Series: Philology. Journalism*, 2017, no. 4, pp. 74–76. (In Russ.).

18. *Formanovskaya N.I.* In *Recent Times...* (Anniversary Collection of Articles). Moscow, 2012. 280 p. (In Russ).
19. *Brown P., Levinson S.C.* *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987. 335 p.
20. *Jardic*. Japanese Dictionaries. URL: http://www.jardic.ru/index_e.htm/ (accessed: 13.01.2024).
21. *Okuyama Masuo*. *Modern Guide to Honorific Language*. 1976. 644 p. (In Jap.).
22. *Kieda Masuichi*. *New advanced National Language Grammar: Syntax*. 1937–1938. 394 p. (In Jap.).
23. *Research Materials on Japanese Grammar*. Vol. 4: *Modifying Clauses, Independent Clauses*. Tokyo, Meiji Shoin, 1984. 345 p. (In Jap.).
24. *Dictionary of Japanese Linguistics*. Tokyo Publishing, 1975. 1286 p.
25. *Lectures on Colloquial Grammar 2: Advanced Studies*. Tokyo, Meiji Shoin, 1965. 343 p. (In Jap.).
26. *Suzuki Takao*. *A Comparison of Reflexive Pronouns and Reciprocal Pronouns*. *English Comparative Studies*. Volume 5, *Culture and Society*. Daishukan, 1982. 226 p. (In Jap.).
27. *Suzuki Takao*. *Language and Culture*. (50th printing). Tokyo, Iwanami Shoten, 1998. 209 p. (In Jap.).
28. *Taniwaki Michihiko*. *Japanese Grammar*. Tokyo, 1988. 258 p. (In Jap.).
29. *Chūnagon Corpus Search Application*. Japanese Language Corpus 'Chūnagon'. Search Application. (In Jap.). URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search/> (accessed: 12.01.2024).
30. *Nitta Yoshio*. *Modality in Japanese and Its Surroundings*. *Nitta Yoshio's Selected Works on Japanese Grammar*. Volume 2. Hitsuji Shobo, Tokyo, 2009. 294 p. (In Jap.).
31. *Pan F.C.* *Sociology of Address: A Comparison Between Japan and the United States*. *English Comparative Studie*. Vol. 5, *Culture and Society*. Daishukan-syoten, 1982. 226 p. (In Jap.).
32. *Higashide Tomo*. *Pragmatic Functions and Politeness of Japanese Address Terms: A Comparative Study of Japanese and Russian*: Doctor's degree thesis. Graduate School of Integrated Sciences for Global Society. Kyushu University, January 2018. 336 p. (In Jap.). <https://doi.org/10.15017/-1931985>
33. *Horinouchi Katsuaki*. *Comparison of Communication: Japan and the West*. *Language Life*, June, 1979, pp. 18–31. (In Jap.).
34. *Watanabe Tomosa*. *Ways of Addressing Family Members*. *Language Life*, August, 1963, pp. 42–49. (In Jap.).
35. *Yamada Yoshio*. *Introduction to Japanese Grammar*, 3rd Edition. Hōbunkan, Tokyo, 1949. 1148 p. (In Jap.).
36. *Yoneda Masato*. *Terms of Address for Spouses*. *Language Life*, July, 1986, pp. 18–21. (In Jap.).

Статья поступила в редакцию / Received 29.05.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 05.06.2024

Принята к публикации / Accepted 12.06.2024